

ПИСЬМО В 2022-Й ГОД. ОЧЕРК IV¹

LETTER TO 2022TH. ESSAY IV

БЕЗБАХ ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

BEZBAKH ELENA VIKTOROVNA

аспирантка кафедры Истории русской музыки, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского (университет), доцент кафедры Вокального искусства, АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

postgraduate student of Music history department, Moscow state Tchaikovsky conservatory (university), associate professor of vocal art, ANO in the Moscow university for the humanities

Ключевые слова: Д. Б. Кабалевский, отечественная культура XX века, Великая Отечественная война, 1942 год, «Реквием», оратория «Письмо в XXX век», сюита «Народные мстители», Украина, поездка на фронт, борьба за мир.

Keywords: D. B. Kabalevsky, national culture of the XXth century, the Great Patriotic War, 1942, «Requiem», oratorio «Letter to the 30th century», suite «People's Avengers», Ukraine, trip to the front, struggle for peace.

Аннотация. Рассмотрены исторические события и процессы, имеющие ключевое значение для общественной и культурной жизни нашей страны, в период с начала Великой Отечественной войны до настоящего времени. Пересмотрены общеизвестные факты творческой биографии Д. Б. Кабалевского. А также исследованы неизученные страницы наследия композитора: незавершенная и неизданная оратория «Письмо в XXX век» на стихи Р. Рождественского; рабочая дирижерская партитура «Реквиема» Д. Б. Кабалевского; сюита «Народные мстители» на слова Е. Долматовского; военные письма Кабалевского жене; его письма другу детства, Ю. Е. Шенгеру; фронтовой дневник композитора за 1942 год.

Annotation. The historical events and processes that are of key importance for the social and cultural life of our country are considered in the period from the beginning of the Great Patriotic War to the present. The well-known facts of the creative biography of D. B. Kabalevsky. And also the unexplored pages of the composer's heritage were studied: the unfinished and unpublished oratorio «Letter to the 30th century» to the verses of R. Rozhdestvensky; working conductor's score of «Requiem» by D. B. Kabalevsky; suite «People's Avengers» to the words of E. Dolmatovsky; military letters from Kabalevsky to his wife; his letters to a childhood friend, Y. E. Shenger; front-line diary of the composer for 1942.

Продолжение. Сведения о ранее опубликованных первых трех очерках:

1) Безбах Е. В. «Неизвестный» Д. Б. Кабалевский в письмах к другу или «грустная творческая исповедь». Очерк I. // Музыкаведение. 2016. № 6. С. 16–21.

Безбах Е. В. «Неизвестный» Д. Б. Кабалевский в письмах к другу, или «Грустная творческая исповедь». Очерк I. // Учитель музыки. 2016. № 2 (33). С. 26–31.

2) Безбах Е. В. «Я не могу не сочинять больше...». «Неизвестный» Д. Б. Кабалевский в письмах к другу. Очерк II. // Учитель музыки. 2016. № 4 (35). С. 28–32.

3) Безбах Е. В. «Я — бывший композитор!» Неизвестный Д. Б. Кабалевский в письмах к другу. Очерк III (1946–47 гг.). // Учитель музыки. 2021. № 2 (53). С. 23–27.

© Безбах Е. В., 2022

Ярчайший отечественный композитор, педагог и музыкально-общественный деятель XX века, Д. Б. Кабалевский, оставил после себя большое музыкальное и литературное наследие. Значительная часть егоopusов была востребована при жизни автора — в период наивысшей популярности Кабалевского. Не удивительно, что тогда Дмитрий Борисович был окружен пристальным вниманием со стороны биографов, музыковедов, журналистов и т. д.

Несмотря на мега-популярность Д. Б. Кабалевского при жизни, на сегодняшний день существуют неизвестные страницы его творческой биографии. Раскрыть эти «черные дыры и белые пятна» в судьбе музыканта позволяют архивные свидетельства, хранящиеся в семейном архиве Кабалевских, в фондах РГАЛИ¹ и в архиве Московской консерватории.

Одной из таких неизвестных страниц являются незавершенные и неизданные сочинения композитора, среди которых — оратория «Письмо в XXX век» на стихи Роберта Рождественского. Это произведение должно было стать тематическим продолжением знаменитого «Реквиема» Кабалевского, написанного также в соавторстве с Рождественским. «Но только «Реквием» был как бы разговор с теми, кто уже никогда не придет, а «Письмо в XXX век» — разговор с теми, кто еще не пришел, кто придет после нас», — говорил Дмитрий Борисович в одном из интервью газете «Горьковский рабочий»².

Действительно, в заупокойной мессе Кабалевского все внимание обращено на бойцов, погибших в

¹ Российский государственный архив литературы и искусства.

² Статья «Молодому поколению» в выпуске от 2 ноября 1968 г.

А пишу я ведь всегда с удовольствием. Вспомни, не то (конечно, в калюпе нека) I часть "Трибуна"; сочинил (наполнил) нечто, а наполнил вверх II часть (без одной, заключительной фразы) 918 то-тёма; кридунал и даже нагел сочинил III часть ("или камни в фундаменте ваших молитв"). В эту часть я решил ввести орган (впервые в "Трибуна", если не считать финала "Августо и Ка-новича"). II часть начинаю огушительными аккордами органа, потом хор пел несколько тактов и слова огушительный орган; потом еще несколько тактов хора, в конце раз орган и

Великую Отечественную войну и на их бессмертный подвиг:

“...Но зачем она им, эта слава,—
Мертвым?
Для чего она им, эта слава,—
Павшим?”

И звучит ответ на эти вопросы:

“Это нужно — не мертвым,
Это надо — живым!”³

Иногда повествование в «Реквиеме» ведется го- лосами самих погибших воинов:

“Слушайте!
Это мы говорим, мертвые...
Слушайте!
Распахните глаза.
Слушайте до конца...
... Мы забыли,
Как пахнут цветы,
Как шумят тополя.
Мы и землю забыли.
Какой она стала, земля?”⁴

Вся суть «Реквиема» сводится к тому, чтобы подвиг героев, отстоявших мир во время кровопролитных военных лет, не был забыт. Звучит призыв к будущим поколениям людей — проклясть войну и не допустить больше фашистской чумы. Не слу-

³ Реплики из 1-й части «Реквиема» — «Вечная слава».

⁴ Реплики из 9-й части «Реквиема» — «Слушайте».

чайно эпиграфом стали слова: «**Посвящается тем, кто погиб в борьбе с фашизмом**». Сам композитор так охарактеризовал идею «Реквиема»: «**Сочинение это написано о погибших, но обращено к живым. Рассказывает о смерти, но воспеваает жизнь. Рождено войной, но всем своим существом устремлено к миру**».

Оратория «Письмо в XXX век» должна была усилить этот призыв. Она обращена к еще не родившимся на земле. К тем, кто:

“В трехтысячном
в дебрях большого музейного здания...
детям ...рассказывать станет
... о том,
что значат
четыре взорвавшихся года!”¹

авторы «Письма» обращаются к «счастливым, живущим в трехтысячном»²:

“Завидуйте нам!...
До самых седых волос.
Вы никогда не увидите
Того, что нам довелось!...
Поймите, что значит...
Четыре зимы и
Четыре задымленных лета.
Где жмых — вместо хлеба,
Белесый пожар — вместо света!”³

К сожалению сегодня, в первое двадцатилетие XXI века, вновь «*Строгое, притихшее Человечество, глядит в лицо войны...*»⁴. Призыв «**не допустить войну!**» остался не услышанным.

Возможно, если бы после смерти Д. Б. Кабалевский, как и многие советские *Художники*, не стал «не форматом» для новой российской идеологии, и его творческое наследие не погрузилось в забвение, эти призывы продолжали звучать и доходить до сердец миллионов людей? Возможно, если бы Дмитрий Борисович успел дописать свою ораторию «Письмо в XXX век», призыв **проклинать войну и фашизм** усилился? Сегодня сложно однозначно ответить.

Очевидно одно: многие композиторские замыслы Кабалевский не воплотил из-за своей колоссальной

занятости. В письмах и дневниковых записях Дмитрий Борисович неоднократно сетовал на ту “полифонию дел”, которая его окружала. Будучи человеком общественно активным и равнодушным, композитор оказался в плену разрывающих его общественных поручений. Так, например, в письме другу детства, Ю. Е. Шенгеру⁵, от 30 сентября 1945 года он писал: «*Не хочу больше мотаться между сотней обязанностей и растрачивать себя на “все на свете”.* Хочу сочинять, ибо понимаю, что все сочиненное до сих пор за редчайшим исключением — вздор, неполноценный школьно-детский лепет».

Но именно эта активная общественная позиция Д. Б. Кабалевского подвигла его спешно вернуться в январе 1942 года из эвакуации в Москву, и в составе агитбригады отправиться на фронт. Дмитрий Борисович с нетерпением ждал эту поездку. В одном из писем жене, Ларисе Павловне, которая продолжала находиться в эвакуации в Свердловске, он писал: «я ... буду по-настоящему счастлив, если попаду в число отобранных для такой поездки»⁶.

С большими трудностями добравшись до фронтовых рубежей, Кабалевский оказался в захваченном фашистами украинском селе, судьба которого решалась у композитора на глазах. Многие жители ушли в партизанские отряды и вместе с бойцами Красной армии вели ожесточенную борьбу за освобождение родной земли.

Нужно отметить, что у Дмитрия Борисовича было особо теплое отношение к Украине. Занимаясь в довоенные годы музыкально-просветительской деятельностью, он часто выезжал с лекциями и концертами в Киев, Львов, Одессу. Когда началась война, композитор искренне переживал за судьбу украинской земли. Так в письме Кабалевского жене от 22 сентября 1941 года читаем: «*Грустные вести*

⁵ Шенгер Юрий Евгеньевич (1904–1974) — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки УзССР. Окончил экономический факультет Ленинградского университета (1924). В 1936–1940 гг. — старший консультант отдела финансов Госплана СССР, заведующий кафедрой Московского финансового института. В 1939–1940 гг. — руководитель группы консультантов при секретариате Правления Госбанка СССР, эксперт Планово-экономического управления Госбанка СССР. В 1940–1945 гг. — начальник сектора кредитования сельского хозяйства Башкирской конторы Госбанка СССР, преподаватель Алма-Атинского кредитно-экономического института. С 1946 г. — заведующий кафедрой Ташкентского института народного хозяйства. В 1955–1974 гг. — профессор по научной работе Ташкентского института народного хозяйства. Награжден орденом «Знак Почета».

⁶ От 3 февраля 1942 г.

¹ Реплики из незавершенной оратории «Письмо в XXX век».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

принесла нам сегодняшняя газета. Я знаю, что оставление Киева сейчас ничего не меняет в конечном результате... знаю, что взяв Киев немцы больше потеряли, чем выиграли, но тем не менее ужасно тяжело. ... я его как-то особенно люблю, для меня это следующий город после Ленинграда. Да думаю, что не только для меня».

На фронте Д. Б. Кабалевскому довелось воочию увидеть все ужасы войны: присутствие на допросе, суде и расстреле предателя; убитые бойцы и братские могилы; смерть солдата, с которым недавно был разговор и т.д. Увиденное не могло не отразиться на мировоззрении Дмитрия Борисовича и, как следствие, на его творчестве. Дочь композитора, Мария Дмитриевна, справедливо замечает, что читая военные дневниковые записи отца после его смерти, а также переписку своих родителей того периода, она «не просто узнала многое о собственном отце, но и открыла для себя совершенно неожиданные потаенные уголки его души... А так же нашла объяснение некоторым его поступкам и словам, которые ранее казались странными и поэтому запомнились надолго»¹.

При сравнении тематической и жанровой направленности опусов, написанных Кабалевским до июня 1941 года, и сочинений военно-послевоенного периода, разница становится очевидной. На смену оптимистичным, наполненным жизнью произведениям пришли монументальные фрески, призывающие сохранять мир и жизнь на планете. Дмитрий Борисович отмечал: «Тематика всей моей работы перестроена на военный лад»². Поездка на фронт вдохновила его на создание произведений, созвучных времени. «Работы уйма и никогда еще не хотелось так работать, как сейчас», — писал композитор в одном из писем жене³.

В поездке на фронт произошло еще одно важное событие для Д. Б. Кабалевского — знакомство с поэтом Е. А. Долматовским, с которым они впоследствии создали несколько совместных произведений и были дружны до конца жизни. Дмитрий Борисович так писал Ларисе Павловне: «Долматовский — чудесный человек, выдавший виды, и я полагаю, что мы с ним отлично проведем эту поездку и отлично поработаем»⁴. В результате этого творческого союза появились такие произведения, как: сюита для смешанного хора и симфонического

оркестра «Народные мстители»; песни «Девушка ждет меня», «Партизанская», «Лирическая».

В сюите «Народные мстители» запечатлены не вымышленные, а реальные события, развернувшиеся на глазах Кабалевского и Долматовского. Речь идет как раз о том украинском селе, захваченном фашистами. Произведение повествует о простых людях, с которыми авторам Сюиты довелось лично познакомиться: о партизанах, о детях Украины, о солдатских матерях. Так, например, с Олей-партизанкой, о которой упоминается во 2-м номере Сюиты [«Песня»], Дмитрий Борисович встречался и беседовал 15 марта 1942 г. Село, захваченное немцами, о котором повествуется в 4-м номере [«Родное село»], освобождалось на глазах композитора бойцами советской армии и партизанскими отрядами. Песня партизан, которой посвящен 2-й номер цикла [«Песня»], пелась Дмитрием Борисовичем вместе с партизанами в минуты отдыха. Глубокий рейд в тыл противника, о котором повествуется в финальном 5-м номере [«Партизаны идут из лесов»], предпринимался на глазах авторов «Мстителей» 22 марта 1942 г.

Все это становится сейчас достоверно известным благодаря фронтовому дневнику Дмитрия Борисовича за 1942 год, от которого осталось несколько разрозненных страниц, бережно сохраненных дочерью композитора. Приведем некоторые выдержки из этих дневниковых записей:

12.03. На огневых арт. позициях. Вручение партбилетов во время стрельбы по врагу. Киносъемки. Первое ранение.

13.03. Суд над предателем. Разговор с ним. Расстрел. Партизаны. Песня 1-й гвардейской дивизии.

14.03. С генералом на передовых. ...Немцы видны невооруженным глазом. Удар наших по селу, занятому немцами. ...Убитые. Братская могила. Смерть бойца...

15.03. Партизанка Оля. Пленные. Разговоры и допросы. Голодные офицеры. Налет на село... Партизанская песня, сочиненная на глазах у начальника штаба. Пение песен...

19.03. Танки. Семья без отца, бежавшего к врагу... Хата, окруженная зенитками.

21.03. Налеты на село. Работа над партизанским циклом. Идея танковой песни.

22.03. ...глубокий рейд в тыл противника. 7 разведок. Пленный генерал.

23.03. ...Танк с кровью убитого командира.

В сюите «Народные мстители» показаны существовавшие в то время братские отношения между

¹ Записано со слов М. Д. Кабалевской.

² Письмо жене от 11 июля 1941 г.

³ Письмо от 3 марта 1942 г.

⁴ Из письма жене от 5 марта 1942 г.

Россией и Украиной, вместе сражавшихся с фашизмом. Особенно тепло о дружбе двух братских народов говорится в 3-м номере Сюиты «Самолет летит с востока» [цифра 9]:

«Это нам привет от брата.
Не забыли нас ребята. Скоро
армия придет.
Дети вольной Украины
со своей Москвой едины.
В их глазах синее небо, где со-
ветский самолет...».

Сегодня дружеские взаимоотношения Украины с Россией утрачены! Становится понятно, к сожалению, что зерно фашизма дало свои пагубные всходы и проросло в самой изощренной форме — ненависти к братскому народу.

Кроме военных событий, дневниковые записи Д. Б. Кабалевского отображают и времяпровождение бойцов в часы отдыха, в часы затишья. В такие минуты люди пели песни, вспоминали светлые моменты своей жизни, тянулись к прекрасному.

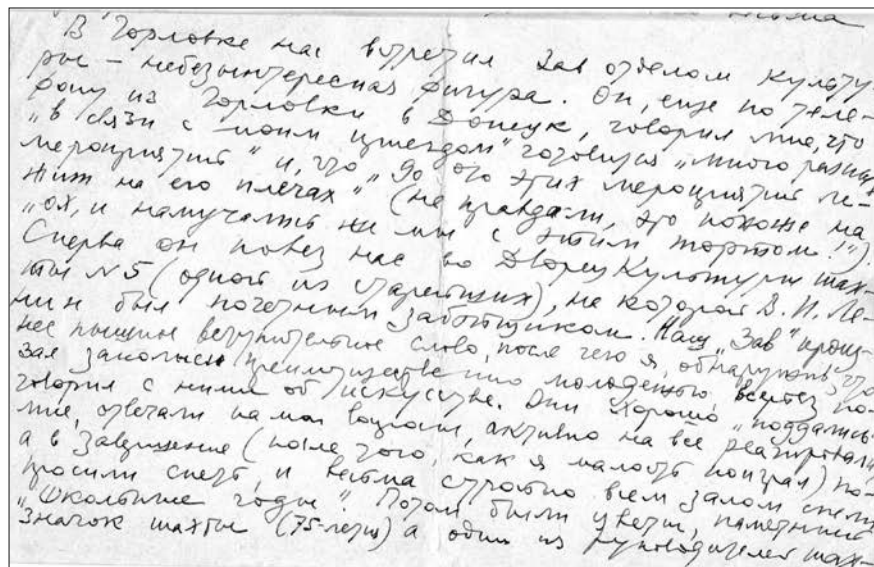
Прочитируем:

15.03. ...Партизанская песня, сочиненная в глазах у начальника штаба. Пение песен...

16.03. ...Колядование по хатам.

17.03. ...Встреча с ансамблем. Разучивание 3-х песен.

18.03. ...работа с ансамблем.

Эти нежные моменты военного времени отображены композито-
ром во 2-ом номере Сюиты —
«Песня», ставшем лирическим
центром цикла. Действительно,
русский и украинский народы от-
личаются яркой музыкальностью
и богатой певческой традицией,
корни которой исторически тесно
переплетены. Сегодня эти куль-
турные связи рушатся, благода-
ря запрещению русского языка и
русской культуры на украинской
земле.

В послевоенное время Д. Б. Кабалевский продолжил ездить на Украину. С концертами и лекция-
ми он посещал Киев, Одессу, Гор-
ловку, Харьков и т.д. Так в одном
из писем Ю. Е. Шенгеру Дмитрий
Борисович писал: «Завтра я уез-
жаю на три недели в ту самую, давно затеянную
поездку (Донбасс, Криворожье, Киев). Программа
поездки очень насыщенная — 7 симфонических
конcertов, 3 камерных, уйма бесед, встреч и т. п.
Но, надеюсь, что будет интересно»¹.

В Киевском, Львовском, Одесском оперных теа-
трах ставилась опера «Семья Тараса» Кабалевского,
повествующая, как и многие произведения *Масте-
ра* послевоенного периода, о тяжелых годах войны и
призывающая к миру, к дружбе, к борьбе с фашиз-
мом.

После создания Дмитрием Борисовичем одно-
го из центральных произведений — «Реквиема»,
композитора стали еще чаще приглашать в союзные
республики, в том числе и на
Украину. Ведь в Киеве, так же
как и в Риге, ежегодное испол-
нение «Реквиема» на годовщину
Победы в Великой Отечествен-
ной войне было традиционным.
Только в первые шесть лет после
выхода «Реквиема» из-под пера
Мастера, он прозвучал около
шестидесяти раз. Сосчитать об-
щее количество его исполнений
на сегодняшний день не пред-
ставляется возможным.

Многими концертами дири-
жировал сам Дмитрий Борисович.

¹ Письмо от 3 декабря 1961 г.

В семейном архиве Кабалевских хранится рабочая партитура «Реквиема», в которой рукой композитора тщательно проставлены разноцветными карандашами различные дирижерские пометки. Так, например, во Вступлении к 3-й части — «Памяти павших», можно увидеть надписи: *commemoration de victimes* (поминовение жертв) и *chaque voix come en chœur* (каждый голос звучит хором). Над хоровыми партиями стоят указание — *Regiet aeternat* (вечный покой). Внизу страницы приписка: трепетный — *effraye* (испуганный), живой — *plain de vie* (равнина жизни)!

Из воспоминаний Марии Дмитриевны Кабалевской: «Многие последующие исполнения «Реквиема» ...отец проводил сам. Залы всегда были переполнены; среди слушателей было то поколение людей, которое знало о войне не понаслышке.

Помню, едва ли не на каждом исполнении «Реквиема» кто-нибудь из женщин-хористок не мог петь, потому что плакал: настолько сильно было эмоциональное воздействие произведения.

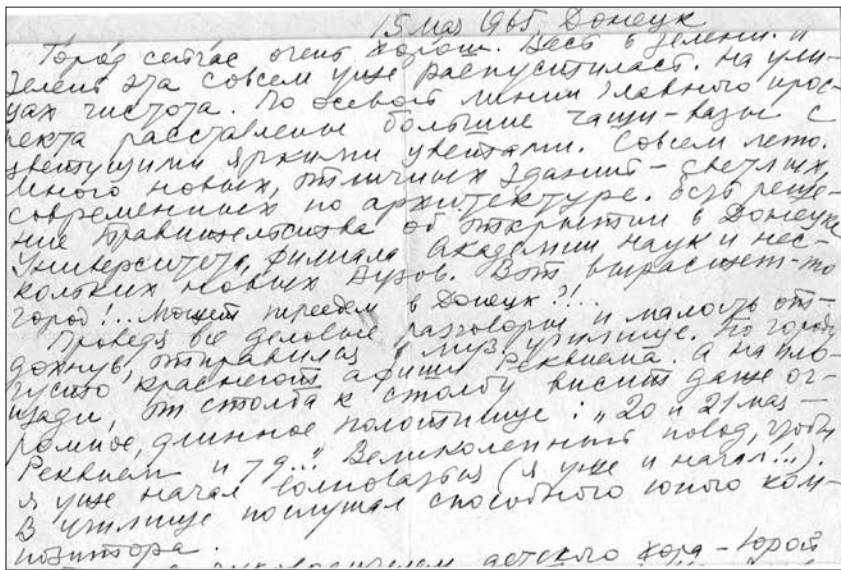
На концертах присутствовало много зрителей с детьми, поскольку уважение к подвигу нашего народа годами поддерживалось и сохранялось. Сейчас, к сожалению, практически разрушено то, что создавалось и воспитывалось в молодом поколении»¹.

И далее: ««Реквием» исполнялся не только в СССР, но и в других странах, таких как Германия и США. На подготовку «Реквиема» к исполнению в Вашингтоне и в Нью-Йорке я ездила вместе с отцом, чтобы оказать помощь с переводом... Американцы нас принимали очень тепло. Оказывалась всяческая помощь и со стороны советского посольства, и со стороны американских представителей»².

Недавно автору данного Очерка попала в руки статья Дмитрия Борисовича «Музыка и мы», переведенная на украинский язык и опубликованная в газете «Молодежь Украины» от 21 августа 1970 года. Невольно в голове возникла мысль — в те далекие времена, когда еще не было конфликта между двумя славянскими народами, со стороны советского государства в целом и лично от имени академика Д. Б. Кабалевского проявлялось большое уважение и к украинскому народу, и к украинской культуре, и к

¹ Безбах Е. В. Д. Б. Кабалевский «Помните!». Интервью с М. Д. Кабалевской // Учитель музыки. 2017. № 1 (36). С. 40–48.

² Там же.

украинскому языку. А сегодня на украинской земле русский язык — под запретом! Русская культура — изгой! На олимпиадах русские спортсмены лишены гимна, флага, Отечества! Все это не укладывается в голове. Уверена, что не смог бы этого понять и Д. Б. Кабалевский — автор одной из версий гимна Советского союза.

В выше упомянутой статье Дмитрий Борисович рассуждает о вопросах морали и нравственности, об эстетическом воспитании, о легкой музыке, о системе музыкального образования. Именно культура, мораль и нравственность, приобщение к прекрасному по мнению композитора позволит не допустить «морального уродства» в подрастающем поколении. В качестве наставления Д. Б. Кабалевский приводит слова всемирно-известного русского композитора, П. И. Чайковского, главная партия из Первого фортепианного концерта которого звучала на последних олимпийских играх вместо гимна России. Чайковский говорил: «Сначала нужно открыть музыкальные школы во всех губерниях и уездных городах...». Кабалевский не случайно приводит в статье эту цитату, так как считал понимание музыки — острым оружием. Оружием «борьбы за высокие идеалы гуманизма, за мир, за внимание ко всем народам земного шара»³.

Список литературы:

1. Семейный архив Кабалевских.
2. Кабалевский Д. Б. Молодому поколению // Горьковский рабочий. 1968. 2 ноября.
3. Кабалевский Д. Б. Музыка и мы // Молодежь Украины. 1970. 21 августа.
4. Безбах Е. В. Д. Б. Кабалевский «Помните!». Интервью с М. Д. Кабалевской. // Учитель музыки. 2017. № 1 (36). С. 40–48.

³ Кабалевский Д. Б. Музыка и мы // Молодежь Украины. 1970. 21 августа.